

УДК 94 (476)

ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В XVI–XVIII ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ АКТОВЫХ КНИГ ГОРОДСКИХ МАГИСТРАТОВ

Н. Н. РЫТОВА

Белорусско-Российский университет
Могилев, Беларусь

Аннотация. Важную роль в изучении истории белорусских земель XVI–XVIII вв. в целом и городов в частности играет всесторонний анализ архивных источников. Одним из главных источников данного периода являются актовые книги городских магистратов. Их анализ позволяет изучить отдельные аспекты судопроизводства, а также проливает свет на виды преступлений, с которыми сталкивались жители белорусских земель.

Ключевые слова: виды преступлений, актовые книги городских магистратов, XVI–XVIII вв.

В XVI–XVIII вв., как и в наши дни, на белорусских землях в целом и в городе в частности существовала проблема преступности. Перед законодателем того времени стояла проблема борьбы с преступностью. Важнейшим источником, позволяющим пролить свет на преступный мир средневекового города, являются актовые книги городских магистратов, содержащие богатейший материал о преступлениях, совершаемых горожанами в частности. Анализ данного вида источников позволяет судить о видах преступлений, с которыми приходилось сталкиваться белорусским горожанам: «кривда», «шкода», «пограбенье», «гвалт», «наезд», «бой».

Понятие «кривда» использовалось для обозначения морального вреда причиненного заявителю: *«ставши очевисто Иванъ Стефановичъ, Мартин Матфеевичъ з села Кохаковского, волощане замку Могилевского, жаловали и оповедали на его мл. пана Ендрея Доровског(о), подстаростего замку Могилевского (...) Иж дей онъ дня вчорашнег(о) м(е)с(я)ца июля двадцат осмого дня, наславшы многихъ служебниковъ своих, а меновите Авхима Дорогукуна а Михаля Мазара з многими помочниками ихъ на дома н(а)шы, в небытности на тот час нас самых дома, жоны н(а)шы з домов н(а)шых побрат казавшы, без жадного права и обвиненя ихъ до веденя замку Могилевского даль посадить, которые и до тых часовъ у везеню замъковомъ сут посажони и в чомъ се дей намъ кривда и шкода немалая деть от пана потстаростего за таковымъ невиннымъ и безъправнымъ посаженемъ жонъ н(а)шыхъ ...»* [3, с. 6]. Как видим, в данном случае моральный вред был причинен истцу в результате незаконного лишения свободы их жен. В данном деле также речь идеи и о еще одном виде преступления «шкода», т. е. причинение материального вреда. О том, что под термином «шкода» в актовых книгах понимается причинение материального вреда в результате совершенных действий свидетельствует также дело, которое рассматривалось в суде могилевского магистрата: *«учтивы*

Данило Саньковичъ жаловалъ на учтивого Еска Санковича, брата своего штож дей мне з нимъ посполу ездячи по торгомъ и вже назад до дому едучи, заехали есмо до приятеля его до Стася на ночь, то пакъ тамъ ночовавши и вже хотечи до дому ехоти, нижли онъ без ведомости моей пошол до слодолы похмелятсе, што я доведавши, иж он пошол пить, побеглемъ у погоню за нимъ, штобы се тамъ не забавил, а до домов своих омешъканя не учинили, нижлимъ его учинити не моглемъ и за семъ се вернулъ назадъ; а кгдымъ до возов прышол, нашол возы порушаны и взято з воза моего готовых п(е)н(я)зей копъ одиннадцать и гр(о)ши трыдцать, якожемъ я заразем тамъже з нимъ до того врьдника на того свояка его жалобу чинилъ и зложити ми с права ему се од того отприсегнуть, нижли он теперь, яко будучи мне братомъ и посполу есми з собою ездил и торговали, тое шкоды моее половицы мне платити не хочеть ...» [3 с. 18]. В данном случае материальный ущерб был причинен в результате утраты вещей, которые находились в обозе истца и ответчика.

Понятие «бой» использовалось для обозначения нанесения телесных повреждений разной степени тяжести: «Месеца Июня 13 дня <...> пришедши до мене (Войтеха Требского – Н. Р.) Василей Кощичъ Ловышь, весполкъ съ приятелемъ своимъ Рабеемъ Гринковичомъ, жаловалъ и оповедлаъ то, ижъ Михаило Богуцовъ сын Кицовъ, наехавши на имените его вчора у вечере, безвиннее его самого забилъ а зранилъ и слугъ его Андрея а Тишука поранил. Я есми ему далъ вижа на огляданье ранъ – Матуша Зубрицкого, которых тыхъ ранъ огледалъ и мне отказывалъ, ижъ на самомъ Васку Ловышу на брыви левой рана битая кривавая, а межи плечима также рана кривавая битая, а на служебнику его Андрейцу на правой руке рана рубаная подле пальцовъ, а въ другого служебника Тишка на голове рана рубаная, а на правой руке иняти-на ...» [5, с. 3]; «оповедался Тимъко Стецевичъ – мещанинъ зъ Нового Двору, ижъ суседъ его Яцко Угольниковичъ – мещанинъ тежъ Новодворский а шуринъ его Бортрмей Черемшичъ ехали на день Светого Духа зъ ярмарьку Кузницкого, ино тыхъ двухъ Яцка а Болтрмея побито вельми на добровольной дорозе, а неведати хто, и огледалъ ихъ служебникъ панский Петръ Стрелець – суть барзо збити, одинъ еще съ того бою лежитъ – не вемъ будетъ ли живъ, а другий вже ходитъ, а мають раны: въ Яцка голова вельми побитая, а въ Болтрмейца также голова у двухъ местцахъ побитая. И билъ чоломъ Томко, абы тое оповеданье его было у книги записано и мають на тотъ бой свой просоку давати» [2, с. 109].

Достаточно распространенным видом преступления в рассматриваемое время был «гвалт». Под данным термином понимались насильственные действия, совершаемые против личности. С одной стороны, под данным термином понимали незаконное насильственное лишение свободы: «Постановившисе очевисто на уряде войтовства Могилевского, учтивы Иванъ Давыдович, з села Човусевичъ попъ, жаловал и оповедалъ на учтивого Гаврила Ивановича, мещанина Могилевского, иж дей онъ, наполнившисе воли свое, мощно

квалтомъ, приехавши до дому моего, сына моего взял на име Лучка и, взявши его, до везенья осадилъ <...> которого держал у везенью ден и ноч, то пак его державши у везенью, обобравши его, выпустилъ, знял зъ него ермакъ сукна белого московского, ножи угорские, то есть с мошьною, а к тому мало маючи на томъ, у потданого моего на имя у Романца Соткевича, споткавши на дорозе, коня шерстью рижого узял <...> што которы таки квалтъ и грабежи <...> до книгъ войтовскихъ записати даль» (30 июля 1578 г.) [3, с. 14–15]. Как видим, в данном случае мужчина оказался заточен в тюрьму без предъявления обвинения.

С другой стороны, к числу «гвалтовых действий» относили нападение на дом или иное имущества, причинение хозяину жилища или его родственникам увечий. В частности, 8 июня 1629 г. в Брестском воеводстве землянин Остафий Непокойчицкий со своими слугами совершили разбойное нападение на дом священника Озятской церкви Василия Ивановича Ждановича, выломали ворота, выбили дверь в сенях дома, а также забрали на своих сенокосах скот священника [1, с. 34–35]. Подобный случай имел место и 25 апреля 1629 г. Пан Ян Красуский и его жена Кглуховская вместе со своими слугами напали на дом священника Тилятицкой церкви Голадковского Терентия, избили жену священника и его дочь [1, с. 32–33]; «наместникъ князя Андрея его милости Коширского, двора его Кустинского Иванъ Москвитинъ зъ многими людми его на имя Павломъ а Валентыномъ, зъ Гринцомъ Ти...лемъ Богдановичомъ и зъ иныими <...> нашодшы моцно квалтомъ <...> зъ рогатинами и зъ согайдки на влостную (сено)жатъ нашу, насъ двадцати чоловековъ перебилъ <...>, а шесть на смерть забиты и нетъ ведома, (где ихъ) поведли, на имя Станеля, Павла, Юдешка, а Янчеля, а Петка, а Мтепана и грабежи поделали а взяли осмеро коней въ колесы и зъ хомутами, двадцать кожуховъ, двадцать сермягъ, косъ двадцать, топоровъ десять, сорочокъ десять съ нихъ сняли, шапокъ двадцать и къ тому стравные речи, што дей кольвекъ при насъ было, то все отобрали ...» [2, с. 137].

Кроме того, это понятие использовалось для обозначения насильственных действий против женщины: «Янчикъ – карчмитъ изъ Соколдъки на подданого господарьского Матей Нестеровича, тымъ обычаемъ, штожъ тотъ Матей въ небытности моей, кдымъ быдъ зъ вашею милостью въ ловехъ, безъ воли жоны моей квалтомъ взялъ падчерицу мою, а маючи жону венчальную ...» [2, с. 68–69]; «Одаря Ивановна суседа Ивана сотника, жаловала через приятеля и опекуна своего <...> на учтивога Ивашька Павловича, мещанина Могилевского, о томъ, иж он дня вчорашнего вжо вечеръ по нешьпоръной године на заходзе слонца, в небытности моей в ызбе, гдемъ мешъкане свое мела, то пакъ тот Ивашько, напомнивши воли свое, прышотши до избы, внучку мою Марью в летех недорослую згвалтил, змордовал, на(д) то еще учинек квалтовны над нею пополнивши, мало ее не задавил, што я на уряде тогож ч(а)су оповедала» [1, с. 418]. В первом случае понятие «гвалт»

используется для обозначения принуждения к вступлению в брак девушки, да еще без разрешения со стороны ее законных представителей, во втором случае речь идет о насильственных действиях, совершенных над девушкой.

Для обозначения же преступления, когда виновный совершал нападение использовался термин «наезд»: *«пришедши перед мене Василей Кощичъ Ловышъ, весполокъ съ приятелемъ своимъ Рабеемъ Гринковичомъ, жаловаль и оповедалъ то, ижъ Михайло Богушовъ сын Кищичовъ, наехавши на именье его вчора у вечере, безвиннее его самого збилъ а зранилъ и слугъ его Андрея а Тишука поранилъ ...»* [2, с. 3]. Следует отметить, что «наезд» – это не только нападение на дом, но и нападение, которое совершено на дороге: *«жаловаль <...> татаринъ госпорадрьский именемъ служебника своего Юнуса на Ахмета Тохтамышевича тарарина тымъ обычаемъ, штожъ тот слуга мой Юнусъ ехаль на кони моемъ искати коний, и онъ, наехавши его и зъ коня его стягнувши, кордомъ убилъ ...»* [2, с. 27].

Еще одним видом преступлений, которые зафиксированы в актовых книгах городских магистратов является «кража» и «пограбенье»: *«Став очевисто Иван Михайлов и Игнат, подданные ясновельможного его милости пана воеводы витебского из места Тересполья, обвинили Петра Алексеевича, бобыля находящегося в Полоцке, в краже в Тересполье у Ермоловича Прудника различных вещей <...> Петр Алексеев <...> сознался, что знает о краже, но сообщил «я не крал, мне тот Ермолович сам будучи приговорен к смертной казни <...> послал меня на полторы мили к холопу за платками, которые взял у последнего отправился в Полоцк, понимая, что тот Ермолович жить не будет <...> Мы вряд <...> за такой самовольный поступок, и чтобы избежать в последующем подобных случаев, приказали слугам нашим, чтобы они наказали обжалованного Петра Алексеева 205 палками ...»*¹ [4, с. 110–112]; *«мещанинъ Городенский Беданъ Яцковичъ одно на три дни, то есть на вчорашний день субботу, жалуючи о рубль грошей присужоных и о дежку меду пресного и на тивуна моего о бой свой и о пограбенье коня, топора и сермяги и о отнятье полуковья грошей и на човека моего Дениса о бой сына своего и о пограбенье воловъ и о соромоченье дочки своее, а позвавши, самъ не сталь ...»* [2, с. 133].

Был использован термин «кража» и при рассмотрении дела, которое рассматривалось в суде полоцкого магистрата 23 марта 1727 г. Полоцкие бобыли Филипп Гулидзич и Яком Жак, угрожая ножом, украли у бояр Полоцкой экономии Еремы Тишонка и Андрея Заревки три мешка жита [4, с. 164–165]. Таким образом, в данном случае речь идет о разбойном нападении.

Еще одним видом преступлений, которые встречаются в актовых книгах городских магистратов, является вымогательство: *«жаловаль тараринъ господарьский Иванъ Богдановичъ на служебника пана Требского Матея, ижъ дей не подлугъ обычая взялъ въ мене децкованья полкопы грошей, одно за милю*

¹ Перевод с польского.

ездиль. И онъ къ тому ся не зналъ, а повелилъ ижъ дей одно три гроши въ него взялъ ...» [2, с. 141].

Таким образом, в XVI–XVIII вв. жители белорусских земель сталкивались с такими видами преступлений, как «кривда», «шкода», «пограбенье», «гвалт», «наезд», «бой» и вымогательство.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, издаваемые Виленскою комиссією для разбора древних актов: в 39 т. – Вильна: Тип. Губерн. правл. – 1870. – Т. 3: Акты Брестскаго гродскаго суда. – 664 с.
2. Акты издаваемые Виленскою комиссією для разбора древних актов: в 39 т. – Вильна: Тип. Губерн. правл. – 1890. – Т. 17: Акты гродненскаго земскаго суда. – 676 с.
3. Акты издаваемые Виленскою комиссією для разбора древних актов: в 39 т. – Вильна: Тип. Губерн. правл. – 1915. – Т. 39: Акты Могилевскаго магистрата XVI в. (1578–1580). – 664 с.
4. Кніга магістрата места Полацка 1727 г. / Падрыхт. А. М. Латушкін, М. Дз. Макараў. – Беласток: Беларус. навук. таварыства; Вільня : Ін-т беларусістыкі, 2012. – 406 с.

УДК 327

ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ И ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МАССИВА РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Н. О. САБАНИНА, С. А. ПОПОВ
Международный инновационный университет
Сочи, Россия

Аннотация. В статье проводится анализ историко-культурных традиций взаимодействия белорусско-российского приграничья, рассматривается его взаимообусловленность и перспективные направления.

Ключевые слова: приграничье, история, культура, взаимодействие, население, территория, граница, развитие, традиции.

Прежде чем рассматривать проблематику белорусско-российского приграничья в её историко-культурном разрезе, полагаем необходимым определиться с понятийным материалом.

Итак, приграничная территория, по мнению О. Ю. Дубровиной, представляет собой территорию, которая прилегает к границе государства и испытывает влияние со стороны приграничной территории страны, которая является с соседней. Подобного рода территории, по мысли данного исследователя, обладают потенциалом, носящим особый характер развития и международного сотрудничества [1].